

Новая монументальная пропаганда

От «Святых Георгиев» до памятника Высоцкому

Владимир Сальников

аши соц-артисты сильно промахнулись. Соцреализм и советская власть основывались не на Ленине-Сталине, а на прекрасном и вечном. И «Лебединое озеро» было для власти поважнее Мавзолея. Только наиболее проницательные Комар с Меламидом как-то все-таки это заметили. Хотя и они (на потребу критикам и рынку) вынуждены были насыщать свои роскошные полотна советскими микимаусами. Однако меня никто не слушал. Даже Бакштейн. И поэтому я скромно рисовал своих обнаженных девочек, отражая тем самым глубинную суть нашего общественно-политического строя.

Действительно, как только суровостильные художники стали писать чумазых нефтяников и полупьяных рабочих в некавалифицированном трудовом процессе, режим слегка пошатнулся. А когда Союз художников под руководством идеологического отдела ЦК засуетился, на скорую руку мастера авангард, — он и вовсе рухнул.

Новые хозяева жизни оказались смекалистей прежних. Не дают интеллигентам подрывать фундамент здорового народного представления о красоте. Они знают: небогатые сограждане много покладистей, когда в их сердцах не угасает вечный огонь прекрасного и возвышенного. Потому новые хозяева и напирают на славных предков и могучие традиции. Все это хорошо понимал один германский лидер. Простодушные, но добросовестные партийные товарищи предостерегали его от воплощения революционно-мегаломанических архитектурных проектов, в которых уже на уровне эскизов было предусмотрено, насколько величественными и прекрасными будут их руины. Они уговаривали своего вожда построить вместо того пристойные жилища для рабочих. А тот отвечал оппонентам: подобный меркантилизм — не что иное, как политическая ошибка. И впрямь: патриотичные рядовые подданные его державы лучше чувствовали себя в оправленных монументами грушобах, чем в просторных и светлых апартаментах, окруженных функциональным, но не праздничным соцкультбытом.

Когда-то писатель Илья Эренбург на вопрос, существует ли прогресс в искусстве, отвечал, что, когда он любуется памятником Юрию Долгорукому, то не сомневается — прогресса в искусстве нет и быть не может. Бронзовый князь и по сию пору перед Моссоветом. А поставленные профессионалами Меркуровым и Вучетичем «сталины» давно снесены, как впоследствии и вполне терпимые, но не милые сердцу «дзержинокалинины».

Еще социалистические реалисты всюю злоупотребляли библейскими мотивами. Каких только «мадонны» они не соорудили в масле, мраморе и бронзе! Партизан-

себя и своего легендарного патрона, но и все конные статуи всех победителей, начиная с эллинистических завоевателей, защитников и государей.

«Калинин» у Военторга просто играл доброго дедушку, а «дзержинский» на Лубянке — сурового генерала, каких когда-то много было понаставлено по городу Парижу. Современные же московские монументальные персонажи сплошь презентуют такие солидные архетипы и прототипы, к которым без Гомера и сочинений Отпоя Церкви не подобраться. Одно только Возвышенное, Прекрасное, Вечное! Мерещится, вот-вот и военные награды станут выдавать не привычными и в, общем-то, жалкими эмалированными брошками, а лавровыми венцами, святыми реликвиями и землей с крепостными.

Даже Владимир Высоцкий, актер и поэт, распоясавшийся в экспрессивном жесте нового памятника у Петровских ворот, не просто собирает ладонями «прану» из «космоса» и не в одном только предсмертном порыве героя-партизана рвет на себе рубаху — стреляй, мол, гад, стреляй! — или распахивает страдающую душу перед публикой и всем человечеством. Нет, он тоже не больше и не меньше как Христос распятый (с известной картины художника Ге). «Я — и в церковь, и в кабак... все не так, все не так, все не так, как надо!» — пел поэт. Однако священнослужители послушно освятили бронзу на статую певца.

Мне могут возразить: монументы всех секулярных гражданских религий всех наций во всех столицах мира — по большей части жуткое фуфло. Хотя, как правило, ругают за них одних только Гитлера со Сталиным. И почему это вдруг в то время, когда все обязательные (даже для власти) нормы интеллигентского вкуса решительно и демонстративно похерены, я жду от нового, принимающего антиквариат за искусство сословия какой-то необыкновенной рафинированности вкуса? Не естественно ли разве на самом деле для этого нового класса, не имеющего традиций богатого и благопристойного существования, но строящего неведомый и невиданный общественный и экономический порядок, рядиться в античные тоги, ряссы и эстрадные этнические костюмы? «Всемирная история...»

Все так. Но все равно — тошнит.

НИКОЛАЙ ГАЛКИН

ских, лесных, степных, белорусских, литовских и казахских. И вот настало время гордиться своим племенем и его славной историей (ведь нет на свете народов непобедоносных и бесславных). На московском гербе — не языческий ездец с мечом, как было поначалу (им может полюбоваться каждый, случись ему оказаться у Боровицкой башни Московского Кремля), а Святой Георгий, римский офицер. Он же на памятнике отдавшим жизнь за закон и безопасность милиционерам на Трубной площади. Он и на эмблеме, и в качестве награды Московского кинофестиваля соревнуется с безродным голливудским «Оскар».

На Поклонной горе — «Ника», тоже с какого-то киносостязания. Маршал Жуков перед Историческим музеем изображает не только

часть жуткое фуфло. Хотя, как правило, ругают за них одних только Гитлера со Сталиным. И почему это вдруг в то время, когда все обязательные (даже для власти) нормы интеллигентского вкуса решительно и демонстративно похерены, я жду от нового, принимающего антиквариат за искусство сословия какой-то необыкновенной рафинированности вкуса? Не естественно ли разве на самом деле для этого нового класса, не имеющего традиций богатого и благопристойного существования, но строящего неведомый и невиданный общественный и экономический порядок, рядиться в античные тоги, ряссы и эстрадные этнические костюмы? «Всемирная история...»